

елена первушина

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
СУДЬБЫ ЭПОХИ

Елена Владимировна Первушина Великие государственные деятели Российской империи. Судьбы эпохи

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48609262

Великие государственные деятели Российской империи. Судьбы эпохи:

Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-08867-3

Аннотация

Даже абсолютный монарх не может править страной единолично, у него всегда есть советники, министры, канцлеры. О самых ярких государственных деятелях, которые служили семье Романовых в течение трех веков, расскажет эта книга. Их судьбы были тесно связаны с судьбой Российской империи, некоторые из них даже отдали за нее жизнь. Каким они видели будущее России? Насколько совпадало их видение с видением государя, которому они служили, и как это сказалось на их судьбе и на судьбе правителей России? Какие их прогнозы сбылись? Какие их предостережения остаются актуальными и по сей день? Ответы на все эти вопросы вы узнаете из этой книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Александр Данилович Меншиков	7
1	7
2	21
3	39
4	43
5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Первушина
Великие государственные
деятели Российской
империи. Судьбы эпохи

© Первушина Е.В., 2020

© «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Когда я задумывала эту книгу, труднее всего для меня стал выбор ее будущих героев. Передо мной был целый ряд биографий государственных деятелей – ярких и незаурядных личностей, детей своей эпохи, и одновременно – ее творцов. Кто из них наилучшим образом может характеризовать свое время, и господствующие тогда представления о добре и зле, и долге перед государством и частной инициативе, о чести и бесчестии, об успехе и провале? Все достойны внимания, достойны того, чтобы посвятить им главу, но меня сдерживало простое соображение, что «книга не безразмерная».

В одних случаях выбор очевиден, в других – очень сложен. Понятно, что ближайший и самый доверенный друг Петра – Александр Данилович Меншиков и вполне логично посвятить ему первую главу, «оставив за скобками» такие яркие личности, как Шереметева, Куракина или Феофана Прокоповича. Но почему Остерман, а не Бирон или не Миних? Почему Шуваловы, а не Разумовские или не Бестужев-Рюмин? Порой последним аргументом были просто личные симпатии.

Однако я старалась выбирать тех людей, которые внесли ощутимый вклад в строительство будущего, благодаря которым Россия приобрела свою славу. Строительство Петер-

бурга Меншиковым, земельные приобретения, полученные страной, благодаря усилиям Остермана, Московский университет и петербургская Академия художеств, основанные Иваном Ивановичем Шуваловым и так далее. У каждого из героев этой книги свое видение будущего России и они, не жалея сил, воплощали его в жизнь. Что-то им удалось, что-то нет. Ни одному из них не было дано предвидеть все последствия своих начинаний. Но все вместе они творили будущее, и благодаря им Россия выглядит именно такой, какой мы видим ее сейчас.

И еще каждый из моих героев сознательный и активный творец своей судьбы. Преобразовывая государство, они выстраивали собственную жизнь, реализовывали свои убеждения, проверяя их на практике. Итог, как водится, различный и далеко не все из них оказались победителями. В чем они были правы? В чем ошибались? Попробуем разобраться вместе.

Глава 1. Александр Данилович Меншиков

1

«'Tis better to be vile than vile esteemed» – «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть», – эта строка из сонета Вильяма Шекспира в переводе Самуила Яковлевича Маршака могла бы служить отличным эпиграфом к биографии нашего первого героя – генерал-губернатора Санкт-Петербурга, президента Военной коллегии, позже – генералиссимуса морских и сухопутных войск, адмирала, «первого сенатора», «первого члена Верховного тайного совета», светлейшего князя, без пяти минут зятя императора, а еще позже – безродного заключенного и ссыльного – Александра Даниловича Меншикова.

Если бы можно измерить известность и значимость человека в истории числом ходивших о нем слухов, преданий и анекдотов, то рейтинг Меншикова стал бы лишь немногим ниже рейтинга его повелителя – императора Петра Алексеевича.

Сразу после смерти Петра Великого вышел целый ряд мемуаров, написанных его ближайшими друзьями и рассказы-

вающих о его привычках, образе жизни, остроумных изречениях, о том, что он любил и что ненавидел. Меншиков в этих изданиях упоминался очень часто, причем по большей части авторы не отвечивали ему комплименты.

Вот что пишет об Александре Даниловиче, к примеру, князь Борис Иванович Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче»: «Но в тоже время Александр Меншиков почал приходит в великую милость и до такого градуса возшел, что все государство правил, почитай, и дошел до градуса фельдмаршала и учинился от цесаря сперва графом имперским, а потом и вскоре принцем, а от его величества дюком¹ ижорским. И токмо ему единому давалось на письме и на словах – „светлость“. И был такой сильной фаворит, что разве в римских гисториях находят. И награжден был таким великим богатством, что приходов со своих земель имел по полторасто тысяч рублей, также и других трезоров² великое множество имел, а именно: в каменьях считалось на полтора миллиона рублей, а особливо знатную вещь имел – яхонт червчатой³, великой цены по своей великости и тяжести, и цвету, которой считался токмо един в Европе... Характер сего князя описать кратко: что был ума гораздо среднего, и

¹ Куракин, будучи одним из первых русских дипломатов, любил вставлять в свои сочинения иностранные слова. В данном случае «дюк» – это транслитерация французского слова *le duc* – герцог. На самом деле титул Меншикова звучал так: «светлейший князь Ижорский».

² *Trésor* (фр.) – сокровище.

³ Старинное название рубина.

человек неученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства»...

Сам Куракин принадлежал к ближайшим друзьям и сподвижникам молодого царя: одним из его «потешных ребят» в подмосковном селе Преображенском. Потом оба они – и Петр и Куракин женились на двух сестрах Лопухиных, вместе пережили позорное поражение под Нарвой и триумф под Полтавой, где Куракин – ни много ни мало – командовал Семеновским полком. По приказу царя Куракин стал одним из первых русских дипломатов и защищал интересы России в Гамбурге, Гааге, Амстердаме, Париже. Может быть в его суждениях о Меншикове проскальзывает снобизм аристократа, с презрением относящегося к наглomu выскочке, «вороне, залетевшей в царские хоромы»?

А вот что пишет о Меншикове совсем другой человек – датчанин по имени Юст Юль, посланник при русском дворе, познакомившийся с Меншиковым в Петербурге в 1710 году. После посещения одного из военных триумфов, которые так любил пышно праздновать Меншиков, 7 января Юль записал в дневнике: «Крайнего удивления достойно, что перед своим уходом князь Меншиков поцеловал всех принцев и цариц в губы и что молодые царевны устремились к нему первыми, стараясь наперегонки поцеловать у него на прощание руку, которую он им и предоставил. Вот до чего возросло высокомерие этого человека с тех пор, как под-

нявшись с самых низких ступеней, он стал в России значительнейшим человеком после царя! Не могу, кстати, не сказать несколько слов о восхождении и счастии Меншикова. Родился он в Москве от весьма незначительных родителей. Будучи подростком лет 16, он, подобно многим другим московским простолюдинам, ходил по улицам и продавал так называемые пироги. Это особого рода выпечка из муки, печенная на сале и начиненные рыбою, луком и т. п.; продают их по копейке или по денежке, т. е. по полкопейке. Случайно узнав этого малого, царь взял его к себе в денщики, т. е. лакеи, потом оценив его особенную преданность, пыл и расторопность, стал постепенно назначать его на высшие должности в армии, пока наконец теперь не сделал его фельдмаршалом. Кроме того, царь пожаловал его сначала бароном, потом графом, наконец сделал князем Ингерманландским. Вслед за этим и Римская империя возвела его в имперские князья, без сомненья для того, чтоб заручиться расположением сановника, пользующегося таким великим (значением) у царя. В сущности, Меншиков самый надменный человек, какого только можно себе представить; содержит он многочисленный двор, обладает несметным богатством и большими широко раскинутыми поместьями, не считая княжества Ингерманландского, презирает всех и пользуется величайшим расположением своего государя. Уровень ума его весьма посредственный, и во всяком случае, не соответствующий тем многочисленным важным должностям, которые ему

доверены. Между прочим он состоит также гофмейстером царевича, который в бытность мою в России путешествовал за границую и находился в Саксонии. Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, так что понимать его легко, и сам он понимает, что ему говорят, но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать, – может разве подписать свое имя, которого, впрочем, никто не в состоянии разобрать, если наперед не знает что это такое. В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна».

«Царицы», о которых идет речь в этой записи, – вдовы старших братьев Петра, которых он по обычаю того времени опекал, как старший мужчина в семье. Это Марфа Матвеевна, вторая супруга царя Феодора Алексеевича, дочь стольника Матвея Васильевича Апраксина и Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, вдова второго по старшинству сына Алексея Михайловича Иоанна. Царевны – это дочери царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи – Анна Иоанновна, которая вот-вот выйдет за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, Екатерина Иоанновна, сосватанная Петром за герцогом Карлом-Леопольдом Мекленбург-Шверинским и их незамужняя сестра Прасковья Иоанновна. И все они почитают за честь поцеловать руку бывшего пирожника.

А «царев токарь» Андрей Константинович Нартов, человек весьма низкого происхождения «из посадских людей» – т. е. неименитых горожан, приводит в книге «Достопамят-

ные повествования и речи Петра Великого» две весьма занимательные истории о Меншикове. Первая звучит так: «Когда о корыстолюбивых преступлениях князя Меншикова представляемо было его величеству докладом, домогаясь всячески при таком удобном случае привести его в совершенную немилость и несчастье, то сказал государь: „Вина немалая, да прежние заслуги более“. Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одном выколотил его дубиной и потом сказал: „Теперь в последний раз дубина, ей, впредь, Александр, берегись!“».

А. Д. Меншиков

Вторая история также о том, как Петр рассердился на Меншикова, и что из этого вышло: «Петр Великий, однажды разгневавшись сильно на князя Меншикова, вспомнил ему, какого он происхождения, и сказал при том: „Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был. Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: пироги подовые! Как дельвал прежде. Вон! Ты не достоин милости моей“. Потом вытолкнул его из комнаты. Меншиков кинулся прямо к императрице, которая при всех таких случаях покровительствовала, и просил со слезами, чтоб она государя умилоствовала и смягчила. Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурным. А как она нрав супруга своего знала совершенно, то и старалась, во-первых, его всячески развеселить. Миновался гнев, явилось милосердие, а Меншиков, чтоб доказать повинование, между тем, подхватя на улице у пирожника кузов с пирогами, навесил на себя и в виде пирожника явился пред императора. Его величество, увидев сие, рассмеялся и говорил: „Слушай, Александр! Перестань бездельничать или хуже будешь пирожника!“ Потом простя, паки принял его по-прежнему в милость. Сие видел я своими глазами. После Меншиков пошел за императрицею и кричал: „Пироги подовые!“ А государь вслед ему смеялся и говорил: „Помни, Александр!“ – „Помню, ваше величество, и не забуду – пироги подовые!“».

В конце концов не так уж важно, были ли эти истории правдивыми. Они подтверждают одно, еще в его «родном» XVIII веке за Меншиковым закрепилась слава выскочки, человека худародного, сумевшего в прямом смысле слова пробиться «из грязи в князи».

Никаких документальных сведений о молодых годах нашего героя не сохранилось: «Алексашка Меншиков» появляется в документах уже после того, как стал денщиком Петра. Однако о том, что слухи о «пироггах подовых» скорее всего правдивы, свидетельствует такой факт: в архивах не сохранилось ни одного документа, написанного рукой светлейшего князя. Все донесения, реляции, деловые письма, записки, адресованные Петру, письма жене – создано руками его секретарей. Даже в свое изгнание в Березовск Меншиков взял с собой нескольких писцов, ранее служивших ему. Сам он эти бумаги только подписывал, и именно благодаря этим подписям и закрепилось написание его фамилии без мягкого знака. Дарья Михайловна, супруга Меншикова, образованная дворянка, бывшая фрейлина любимой сестры Петра Натальи, как правило, писала свою новую фамилию с мягким знаком.

Став губернатором Петербурга, Меншиков активно принялся «делать себе биографию», выводя свой род из литов-

ского дворянства, что литовские дворяне охотно подтверждали, надо думать, за немалую мзду. Но никаких конкретных свидетельств о том, какими землями владел род Меншиковых и какие имена носили его литовские предки, не сохранилось, что позволяет историкам уверенно говорить о подлоге.

Во всяком случае в «устную русскую историю» Меншиков вошел именно как выскочка и «парвеню». Вспомним, что пишет Пушкин в поэме «Полтава»:

*И се – равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В переменах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.*

«Шереметьев благородный» – фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, отпрыск старого московского боярского

рода. «Репнин» – князь Аникита Иванович Репнин, генерал-фельдмаршал, сын боярина, новгородского и тамбовского воеводы. «Брюс и Боур» – генерал-фельдмаршал граф Якоб Вилимович Брюс, реформатор русской артиллерии, потомок из старинного шотландского рода, и шведский дворянин Родион Христианович Боур. А «счастья баловень безродный» – это, конечно, наш герой.

Правда, в официальной истории Петра I Пушкин излагает более «умеренную» версию о происхождении Меншикова: «Меншиков происходил от дворян белорусских. Он отыскивал около Орши свое родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину».

Но в пародийной «Моей родословной» Александр Сергеевич снова возвращается к «народной» версии:

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.*

«Не торговал мой дед блинами», – это выпад против светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова, правну-

ка петровского фаворита, который был морским министром и личным другом Николая I.

Соответственно, «ваксил царские сапоги» граф П.П. Кутайсов, бывший камердинером Павла I, а сын его, граф П.И. Кутайсов, стал сенатором. «Пел с придворными дьячками» – граф А.Г. Разумовский, тайный муж императрицы Елизаветы Петровны, возвысивший свое семейство. Племянник его, А.К. Разумовский стал министром народного просвещения. «Прыгнул из хохлов в князья» – А.А. Безбородко, сын малороссийского генерального писаря возвышен Екатериной II, которая присвоила ему сначала графское достоинство, а затем и титул светлейшего князя. И, наконец, «беглый солдат австрийских пудренных дружин» дед Петра Андреевича Клейнмихеля – генерал-адъютанта, приближенного Александра I и Николая I.

Разумеется, Меншиков не единственный неродовитый и не знатный юноша в свите Петра. Царь-реформатор славился своей демократичностью и предпочитал судить людей по их способностям, а не по длине родословного древа. Но отсутствие «стеклянного потолка» для простолюдинов не облегчало задачу Меншикова. К царю нужно прежде всего пробиться, а потом показать себя, доказать, что ты – уникальный, незаменимый специалист и помнить о крутом нраве монарха. Даже отцу Петра, Алексею Михайловичу, получившему прозвище Тишайший, случалось рвать бороды слишком спесивым боярам. А уж сын и вовсе был горяч и необуздан.

Служить ему означало постоянно ходить по краю.

Это было время головокружительных карьер и неожиданных падений. Снова вспомним стихотворение Пушкина: ту его строфу, где он рассказывает о судьбе двух современников Петра – Федора Пушкина, казненного в 1697 году за участие в заговоре Циклера, и строптивого князя Якова Федоровича Долгорукого, который славился прямоотой и независимостью, полагал, что «царю правда лучший слуга. Служить – так не картавить; картавить – так не служить», при случае смело возражал царю и даже однажды разорвал указ, собственноручно подписанный Петром, в конце жизни возглавил Ревизион-коллегию, контролировавшую доходы и расходы казны, и умер в почете и уважении, оплакиваемый своим государем.

*Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.*

Но, видимо, Меншиков считал, что риск того стоит. В нем явно сильна была авантюрная жилка, а такие люди чувствовали себя как рыба в воде и в «бунташном» XVII веке и в

новом, также тревожном и беспокойном XVIII веке.

2

Вероятно, Петр Алексеевич довольно долго не подозревал, что ему суждено стать великим реформатором. При своем рождении, он третий сын царя, правда от молодой и страстно любимой жены, но едва ли это могло «продвинуть» его вверх в череде наследования.

Петр лишился отца в четырехлетнем возрасте и вместе с матерью перешел под опеку старшего брата – царя Федора III Алексеевича. Молодой царь был весьма болезненным юношей, но он женат, его жена беременна и казалось, что корона «уйдет» по этой линии и Петру суждено будет провести всю жизнь в роли дяди царя.

Но сын Федора вскоре умер, потом скончалась и его мать, а через год отошел в мир иной и сам Федор. Следующими претендентами на престол стали два младших сына Алексея Михайловича – 15-летний Иоанн и 10-летний Петр. Иоанн – слаб здоровьем, а Петр – еще слишком молод, чтобы претендовать на трон. Иоанна поддерживала родня его матери – клан Милославских, Петра – Нарышкины. Обе партии готовы использовать мощную силу стрельцов как инструмент для достижения своих целей. Ситуация была нестабильной и грозила вот-вот «скатиться» в гражданскую войну.

Но кризис для одних – это всегда возможности для других. И на этот раз шанс сыграть свою игру выпал царевне

Софье. Любимая сестра царя Федора, умная и решительная, она добилась того, чтобы ее назначили регентшей при двух малолетних царевичах.

Но Софья понимала, что ее отстранение от власти – всего лишь вопрос времени. Нарышкины распускали слухи, что «старший царь» Иоанн слабоумен и настаивали на том, что единственным наследником престола должен стать здоровый телом и духом Петр. В воздухе снова отчетливо запахло гражданской войной.

Петр же, казалось, не принимал участия в политической игре, он жил с матерью в подмосковных усадьбах Преображенское и Измайловское, и играл с «потешными ребятами» – полком подростков, которых собрал для него еще царь Федор. Но Петр хорошо помнил дни страшного бунта, когда стрельцы, взбудораженные Милославскими, ворвались в Кремлевский дворец с криками, что молодые цари убиты Нарышкиными. И Наталья Кирилловна вынуждена была им отдать на растерзание родного брата, чтобы утихомирить толпу. Возможно, он помнил, что именно Софья уговаривала его мать отдать стрельцам Ивана Кирилловича Нарышкина и грозила, что иначе «нам всем пропасть из-за него». Страх перед бунтом, перед стрелецким самовластием сохранится в душе Петра на долгие годы и он никогда не сможет доверять московским боярам.

А пока вместе со своими «потешными полками» юный Петр постигает воинскую науку, запускает фейерверки, об-

шаривает амбары усадеб, находит и спускает на воду ботик «Святой Николай», некогда привезенный из Англии в подарок дяде Петра боярину Никите Ивановичу Романову. Вскоре к «Святому Петру» присоединяется еще один ботик «Фортуна», и скоро воды Измайловского пруда бороздит целая флотилия. Именно в те дни Петр всей душой полюбил корабли и мореплавание.

Среди «потешных ребят», которые позже составят Семеновский и Преображенский полки, элитную гвардию и ближайших сподвижников Петра, по-видимому, был и Алексашка Меншиков. Как удалось сыну простого пирожника попасть в царскую, хоть и «потешную» свиту? Документы ничего не говорят об этом и, как всегда бывает в таких случаях, на помощь приходит легенда. Некто Вильбоа, француз на русской службе, рассказывает сентиментальную историю о сметливом мальчике, отец которого «был крестьянин, получавший пропитание от продажи пирожков при воротах кремлевских, где завел он маленькую пирожковую лавочку». Юный Меншиков продавал пироги стрельцам и солдатам, с шутками и прибаутками, а из окна Кремлевского дворца за ним наблюдал царевич Петр. «Однажды, – писал Вильбоа, – когда он сильно кричал, потому что какой-то стрелец выдрал его за уши, уже не шутя, царь послал сказать стрельцу, чтобы он перестал обижать бедного мальчика, а с тем вместе велел представить к себе проказника продавца пирожков».

Самое раннее упоминание о Меншикове относится к 1694

году, когда Петр и Иван уже стали полновластными царями. Но скорее всего Меншиков был рядом с Петром в те тревожные дни, когда молодой царь, женившись на Евдокии Лопухиной и зачав ребенка, объявил о своем совершеннолети и решительно отстранил Софью от престола. Софья попыталась снова поднять стрельцов, Петру пришлось бежать из Москвы в Троицкий монастырь, где он приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть. Но стрельцы не пошли против молодого царя, Петру удалось привлечь на свою сторону брата Иоанна. Для этого он воспользовался нехитрой лестью. Из Троицы Петр отправил Иоанну такое письмо: «Сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи... умышляли о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем... А теперь, государь братец, настоеит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли если в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем; на тоб и твояб, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения: к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному

лицу государством владеть мимо нас!» И Иоанн переходит на его сторону, покидает Москву и тоже уезжает в Троицкий монастырь.

Петр I

Этот союз обеспечил Петру политическую победу. Сторонников Софьи казнили или сослали, а саму царевну отправили в Новодевичий монастырь.

* * *

В 1694 году Петр практически полновластный государь России. Иоанн появляется на торжественных выходах, но не принимает участия в политической жизни страны. У него и его царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой рождаются только девочки. Евдокия же Лопухина родила царю двух сыновей – Алексея и Александра. Правда, младший царевич умер во младенчестве. Но Алексей жив, и Петр надеется, что именно его потомство продолжит род Романовых.

Однако любовь к царице постепенно угасает. Царя все чаще начинают видеть в Немецкой слободе. Его влекут туда искусные ремесленники, рассказы купцов, много повидавших на своем веку, веселые собутыльники, а самое главное девушки, так не похожие на скромных боярских дочерей теремных затворниц, не умеющих ни ступить, ни слова молвить. Особенно – одна девушка. Веселая и бойкая Анна Монс.

A. Монс

Анна не случайно встретила на пути Петра. Прежде она была любовницей Франца Яковлевича Лефорта, женева и ближайшего помощника и советника Петра I. Князь Куракин пишет: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Днем и ночью он предавался удовольствиям, обедам, балам. И тут, в его доме первое начало учинилось, что его величество начал в дамами иноземными обходиться, и амур начал первый быть одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошанство, пьянство такое великое, что невозможно описать, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и донныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался».

Однако Лефорт прославился не одними только дебошами, он один из тех, кто создавал и обучал «потешные полки» Петра. В Азовском походе командовал флотом, который спас русскую армию. Он инициатор Великого посольства и сам возглавил его. Влияние его на Петра заслужено и бесспорно. По-видимому, Меншиков считал, что это влияние слишком велико, и его необходимо уменьшить. Не то, чтобы он был заядлым славянофилом и выступал за традиционные русские ценности, против немецкого засилья, ничуть не

бывало. Он считал, что в походе, рядом с царем становится слишком тесно. Друзей у царя будет много, это неизбежно, но лучший друг и ближайший советник может быть только один.

Ф.Я. Лефорт

Но Петр все сильнее привязывается к Анне, злые языки уже прозвали ее «Кукуйской царицей» (на ручье Кукуе стояла немецкая слобода). Поговаривали, что дерзкий молодой царь вот-вот разведется с царицей и женится на Анне.

О том, что случилось дальше, рассказывает уже знакомый нам «царев токарь» Андрей Нартов: «По кончине первого любимца генерала-адмирала Лефорта место его заступил у царя Петра Алексеевича граф Федор Алексеевич Головин, а по особой милости – Меншиков, но он беспокоился еще тем, что видел себе противуборницу свою при его величестве Анну Ивановну Монс, которую тогда государь любил и которая казалась быть владычицею сердца молодого монарха. Сего ради Меншиков предприял, всячески стараяся о том, каким бы образом ее привести в немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монс была дочь лифляндского купца, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятного вида, ласкового обхождения, однакож посредственной остроты и разума, что следующее происхождение доказывает. Не смотря на то, что государь несколько лет ее при себе имел и безмерно обогатил, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложение Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замуж, если только царское на то будет благословение. Представьте себе: не сумашествие ли это? Предпочесть двадцатисемилетнему разумом одаренному и видному государю чужестранца, ни тем, ни другим не

блистающего! Здесь скажут мне, что любовь слепа: подлинно так, ибо она на самом верху благополучия девицу сию нелепой и необузданной страсти покорила. Ко исполнение такого намерения положила она посоветовать о том с Меншиковым и просить его, чтоб он у государя им споспешествовал. Кейзерлинг нашел случай говорить о том с любимцем царским, который внутренне сему радовался, из лукавства оказывал ему свое доброхотство, в таком предприятии более еще его подкреплял, изъяснял ему, что государю, конечно, не будет сие противно, если только она склонна; но прежде, нежели будет он о сем деле его величеству говорить, надлежит ему самому слышать сие от нея и письменно показать, что она желает вступить в брак с Кейзерлингом. Для сего послал он к ней верную ея подругу Вейдиль, чтоб она с нею обо всем переговорила, которой призналась Монс чистосердечно, что лучше бы хотела выдти за Кейзерлинга, которого любит, нежели за иного, когда государь позволить. Меншиков, получив такую ведомость, не упустил сам видеться с сею девицею и отобразить подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получил он такое от нея прошение, немедленно пошел к государю и хитрым образом сказывал ему так: „Ну, всемилостивейший государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монс вас паче всего на свете любить: но что скажете теперь, когда я вам противное доложу?“ „Перестань, Александр, врать“, – отвечал государь. – Я знаю верно, что она одного меня любит, и

никто иначе меня не уверит; разве скажет она то мне сама“. При сем Меншиков вынул из кармана своеручное ей письмо и поднес государю. Монарх, увидя во оном такую не ожидаемую переписку, хотя и прогневался, однако не совсем по отличной к ней милости сему верил. А дабы вящше в деле сем удостовериться, то его величество, посетив ее в тот же день, рассказывал ей без сердца о той весте, какую ему Меншиков от нея принес; она в том не отрицалась. И так государь, изблотив ее неверностию и дурачеством, взял от нее алмазами украшенный свой портрет, который она носила, и при том сказал: „Любить царя – надлежало иметь царя в голове, которого у тебя не было; и когда ты обо мне мало думала и неверною стала, так не для чего уже иметь тебе мой портрет“. Но был так великодушен, что дал уборы, драгоценные вещи и все пожалованное оставил ей для того, чтоб она, пользуясь оными, со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна. Вскоре после того вышла она замуж за Кейзерлинга, но опомнясь о нецененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно так, что получила гектическую болезнь, от которой в том же году умерла. Такою-то хитростию и лукавством генерал-майор Меншиков, свергнув с себя опасное иго, сделался потом игралищем всякаго счастья и был первым государским любимцем, ибо при ней таковым еще не был. После сего приключения государь Петр Великий никакой уже прямой любовницы не имел, а избрал своею супругою Екатери-

ну Алексеевну, которую за отличные душевные дарования и за оказанный его особе и отечеству заслуги при жизни своей короновал».

На самом деле все немного не так, Петр заподозрил Анну в неверности еще в апреле 1703 года, когда по пути в Шлис-сельбурге в Неве утонул саксонский посланник Ф. Кенигсек. В его вещах нашли любовные письма от Анны и ее медальон. Эти письма по всей видимости написаны за пять лет до того, когда Петр на полгода уехал в Великое Посольство. Разгневанный Петр посадил Анну, ее сестру, бывшую в то время уже замужем за Федором Николаевичем Балком, и их мать под домашний арест, приказав Ромодановскому следить за ней и лишь через три года «дал позволение Монше и ея сестре Балкше в кирху ездить». Но Анну снова обвиняют в воровстве, направленной на возвращение к ней государя; было арестовано до 30 человек, дом конфискован в казну, движимое имущество и драгоценности оставлены.

В то время Лефорта уже четыре года, как не было на свете, он скончался в марте 1699 года, вскоре после возвращения Великого Посольства. Но очевидно Меншиков считал Анну все еще опасной для себя и продолжал преследовать ее.

Анна искала защиты у прусского посланника Георга-Иоанна фон Кейзерлинга, тот пытался помочь девушке, но Меншиков зорко следил за тем, чтобы никто не «разжалобил» Петра и не вымолил у него прощения Анне. Об этом свидетельствует письмо самого Кейзерлинга, которое он от-

правил в Пруссию своему государю в 1707 году из Люблина, где русская армия ожидала Карла XII. Кейзерлинг рассказывает, что, желая обратиться к царю с просьбой о помиловании Анны Монс и об устройстве на военную службу ее брата Вилима, он прежде всего заручился покровительством Меншикова. Но вот что произошло дальше: «Вчера же, перед началом попойки, я, в разговоре с князем Меншиковым, намекнул, что обыкновенно день веселья бывает – днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною приведенного Монса. Кн. Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству, но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе».

Но когда обнадеженный Кейзерлинг исполнил свое намерение, оказалось, что Меншиков вовсе не собирается держать свое слово. «Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет».

Кейзерлинг нашел в себе смелость возражать царю, защищая честь Анны. Очевидно этого-то и надо было Меншикову, он прекрасно знал, как не любит Петр, когда ему открыто

перечат.

«Князь Меншиков, – пишет Кейзерлинг, – вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я».

Прусский дипломат возмущенно отвергает эти обвинения, но дело его уже проиграно. «Тут царь удалился в другую комнату, князь же Меншиков не переставал забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмешками, которых наконец не в силах был более вынести, – жалуется Кейзерлинг. – Я оттолкнул его от себя, сказав: „Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как... и проч. и проч“. Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым».

Кейзерлинг пытается уйти, но, по-видимому, Александр Данилович считает, что его противник еще недостаточно посрамлен. «Затем вошел его царское величество; за ним посылал князь Меншиков, – продолжает свой рассказ дипломат. – Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жесткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь. Я принужден был вернуться домой на кляче моего лакея, – свою карету я

уступил перед обедом посланнику датского короля, рассчитывая вернуться в его экипаже, который еще не приезжал».

Кейзерлинг как прусский посланник потребовал извинений, и они были ему принесены, но дело было сделано: Анна Монс окончательно исчезла из жизни Петра. Позже она вышла замуж за своего заступника, однако прожили они вместе совсем недолго: через полгода после свадьбы он неожиданно скончался, и Анна еще долго судилась в братом мужа за наследство.

История эта показывает, что для того, чтобы «удержаться на плаву» в придворной среде Меншикову вовсе не требовалось умение читать и писать: достаточно только житейского опыта и беспримерной наглости, а того и другого у Александра Даниловича хватало с избытком.

Но чтобы оставаться нужным царю, необходимо иметь не только наглость, но и выдающиеся способности. Петр прежде всего был человеком дела, он на многое способен сам и многого требовал от своих помощников. А Меншиков, как нам уже известно и в чем мы неоднократно убедимся в будущем, действительно стал незаменимым помощником царя, человеком, которого Петр, по-видимому, искренне любил и которому прощал почти все. Который действительно стал его правой рукой и без помощи которого Петр не мыслит ни одного из своих проектов. В чем же секрет бывшего пирожника? Что такое он умел, чего не умел больше никто?

Историки, пишущие о Меншикове, с удивлением отмечают его уникальное качество: он всегда исполнял поручения, возложенные на него царем, какими бы сложными они ни были. Другие сподвижники Петра честнее, благороднее Меншикова, они лучше понимали замыслы своего царя и разделяли его идеи. Наконец, они были просто образованнее бывшего пирожника и при случае могли поделиться с Петром своими знаниями или удивить его искусностью в том или ином ремесле. Меншиков же, судя по всему – прирожденный организатор. Для него не существовало «допустимых» и «недопустимых» приемов: все приемы хороши, если вели к цели. Петр же работал наперегонки со временем, он постоянно боялся, что не успеет. Сознание того, что он может поручить что-то Меншикову и спокойно забыть об этом, это поручение в любом случае будет выполнено, вероятно, сильно поддерживало царя.

Далеко не всегда Меншиков действовал грубой силой. Вспомним, что он был неграмотен, а значит практически беззащитен в том бюрократическом государстве, которое строил Петр. Приходилось договариваться, заключать альянсы и компромиссы порой с людьми весьма незначительными.

Вот он, будучи комендантом Шлиссельбурга, просит своего олонецкого «коллегу» Ивана Яковлевича Яковлева при-

слать ему мастеровых людей. Тот не спешит выполнить его просьбы. Меншиков посылает ему укоризненное письмо: «Я на вас надеюсь, как на себя, вы, мои секретные друзи и любимые мною, не так в деле своем поступаете, как мне угодно, и волю мои не творите». Наконец плотники прибывают и Александр Данилович спешит сообщить губернатору: «Благодарствую вашу милость, что вы ко мне в Шлиссельбург плотников и работников выслали и тою высылкою меня повеселили, и за то ваше ко мне исправление любезный поклон до вашей милости отсылаю и за свое здравие по чарке горелки кушать повелеваю». Но конфликт на этом не исчерпан. Яковлев, видимо, недовольный тем, что Меншиков забрал у него плотников, посылает жалобу царю. Узнав об этом, Александр Данилович упрекает доносчика: «Ты разсуди сам себе, хотя бы то и так было, дельно ль приступил к донесению мимо меня, в чем надобно было тебе опасну быть, в чем я от тебя не чаял, но еще паче всякого остерегательства надеялся, а ты вместо того пакость чинишь и с такими бездельными словами докладываешь».

Кажется, перед нами совсем не тот человек, который приказал спустить с лестницы прусского посла. Разумеется, Яковлев обладал гораздо меньшим влиянием, чем Кейзерлинг, у него нет таких высоких покровителей. Почему же Меншиков так любезен с ним? Кажется, сын пирожника превосходно умел «выбирать себе битвы». Покарать Анну Монс было для него буквально вопросом жизни и смерти. Конфликт же

с Яковлевым не принципиальный: оба делали одно дело, и им волей-неволей пришлось бы сотрудничать, иначе оба бы пострадали. И Меншиков решил весьма вежливо напомнить Яковлеву об этих обстоятельствах.

Но как комендант Шлиссельбурга мог вести такую оживленную переписку, как мог он принимать и отсылать донесения, если не умел ни читать, ни писать? Конечно же, у него был целый штат секретарей, а это порождало новые проблемы. Канцелярских служащих так легко подкупить, превратить в шпионов, а то и уговорить их «подставить» своего повелителя. Чтобы избежать этого, Меншиков должен был уметь верно судить о людях и быть щедрее своих врагов. По всей видимости, это у него отлично получалось.

Один из самых доверенных его секретарей Алексей Яковлевич Волков. Он не только вел переписку Меншикова и верно хранил его секреты, но и проверял счета его имений, и кроме того, по собственным словам Волкова, «во время бывших баталий, акций и блокад неотступно при вашей светлости был, охраняя ваше здравие со всяким тщанием, и при всяких случаях служил по всякой возможности как советом, так и делом».

Безупречная служба принесла Волкову звание генерал-лейтенанта, стал обер-секретарем Военной Коллегии, получил орден Св. Александра Невского и обзавелся роскошными «палатами» в Москве (современный адрес: Большой Харитоновский пер., 21). Волков сохранял верность

своему патрону даже во время его опалы. Позже Анна Иоановна возвратила ему все прежние звания.

Но, разумеется, Волоков не единственный секретарь Меншикова. В распоряжении Александра Даниловича находилась целая канцелярия, где трудились как русские, так и иностранцы. Это не только секретари, но и генерал-адъютанты, адъютанты, прапорщики и денщики – огромный человеческий механизм, который можно сравнить с органом, на котором Меншиков виртуозно умел играть. Он всегда знал кому может довериться и насколько тот или иной человек заслуживает доверия. Это умение управлять и делало его незамеченным помощником Петра.

Вместе в Петром Меншиков участвовал в Азовском походе, ездил за границу в состав Великого Посольства, работал на верфях в Саардаме, посещал английский парламент. Вероятно врожденные способности позволяли ему легко учить иностранные языки. Позже вместе в Петром он умирал взбунтовавшихся стрельцов и собственноручно рубил им головы.

С начала Северной войны Меншиков неразлучен с царем. Меншиков участвовал в осаде и взятии Нотебурга – шведской крепости у истока Невы, на острове Ореховом. Осада была тяжелой и кровопролитной, а после победы Меншиков назначается комендантом новой крепости, которую Петр переименовал в Шлиссельбург («город-ключ»). Меншиков находит место для Олонецкой верфи на реке Свири, где строили столь необходимый Петру военный флот. Уже в августе 1703 года с ее стапелей сошел фрегат «Штандарт».

Затем Александр Данилович участвует во взятии шведской крепости Ниеншанц и в первом морском сражении, выигранном русскими войсками. Дело было так: сразу после того, как крепость Ниеншанц сдалась, к устью Невы подошла шведская эскадра из девяти кораблей. Шведы еще не знали, что крепость им уже не принадлежит. Они приветствовали гарнизон двумя пушечными выстрелами. Русские также

ответили им двумя выстрелами, и шведы ничего не заподозрили. Близко подойти к берегу большие корабли не могли. Тогда адмирал Нумерс, командовавший эскадрой, послал в Неву два небольших корабля, чтобы связаться с гарнизоном крепости. Ночью русские солдаты под командованием Петра и Меншикова – единственных, кто умел управлять лодками, спустились к устью Невы и напали на шведов. Корабли эскадры поняли, что дело не ладно и начали стрелять из пушек. Начался абордажный бой. Шведов на обоих судах было около 80; «но, – как писал Петр Апраксину, – понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемою викториєю вашу милость поздравляю». В итоге корабли захватили и увели в Неву. Адмирал Нумерс, обескураженный этим нападением, увел свою эскадру подальше от берега. В память об этом сражении Петр велел отчеканить медали золотые – для офицеров, серебряные – для солдат, со своим портретом на одной стороне и надписью на другой – «„Небываемое бывает. 1703». За эту победу бомбардирского капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами.

Из военного моряка Александр Данилович сразу же превратился в строителя, ему поручено наблюдение за возведением одного из бастионов новой крепости на Заячьем ост-

рове. По сей день этот бастион носит имя «Меншиков». Сама же крепость во всех документах носила название Санкт-Петербурх.

15 июля 1703 года Меншиков уже в должность петербургского губернатора писал Петру: «Городовое дело управляется, как надлежит. Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем, милостью божией, что то предреченное дело будет поспешествовать. Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит». Он же встречал в августе того же года 12 голландских торговых кораблей, которые пришли в город Ниен – предместья Ниеншанца. Узнав, что шведов здесь уже нет, капитаны захотели вести дела в русскими. Однако в тот раз корабли не смогли войти в Неву – им помешала эскадра Нумерса, все еще сторожившая берег. Но уже в ноябре 1703 года, когда эскадра наконец ушла в Выборг, новый голландский корабль привез в крепость соль и вино. Меншиков принял шкипетра весьма радушно и подарил ему 500 золотых“».

Всего в строительстве крепости принимали участие 20 000 человек и в середине сентября 1703 года оно закончилось и началось строительство укреплений на острове Котлин, которые возвели к весне следующего 1704 года.

Весной 1704 года русская армия вернулась под Нарву, где всего четыре года назад понесла сокрушительное поражение. Петр попытался взять город с ходу и для этого пошел на военную хитрость. Шведы ждали помощи из Ревеля, от отря-

да Шлипербаха. Тогда Петр приказал одеть часть воинов в синие шведские мундиры и двинулся на войско, осаждавшее Нарву. А.Д. Меншиков и А.И. Репнин притворно отражали нападение. Их цель – выманить шведов из укрепления и они добились своего: конный отряд выступил из крепости на помощь мнимому Шлипербаху.

В результате боя большая часть шведской кавалерии была изрублена, а пехота не без труда вернулась в крепость. Всего шведы потеряли в тот день около 300 человек, русские же – всего четырех. Осада Нарвы продолжалась весь июнь и июль и закончилась штурмом и взятием крепости. Меншиков, участвовавший в штурме, получил звание генерал-поручика и назначен губернатором Нарвы. Вскоре после этого сдался и шведский гарнизон, находившийся в Ивангороде.

* * *

Взятие Нотебурга, Нарвы и Дерпта (с 12-го на 13 июля 1704 года) нанесло серьезный удар по положению шведской армии на Балтийском море. Эта кампания принесла Меншикову еще одну, очень важную победу. Она связана не с ратными подвигами, а с пригожей лифляндкой Мартой Скавронской. Именно тогда она появляется в жизни Меншикова, а затем и в жизни Петра и на страницах русской истории.

О судьбе Марты еще при ее жизни ходили легенды. Одну из них рассказывает Юсто Юль, датский посланник в России.

Вот что он пишет: «Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более, что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею. Родилась она от родителей весьма низкого состояния, в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у местного суперинтенданта Глюка и во время своего нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером. Свадьба их совершилась 14-го июля 1704 года. как раз в тот день, как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город и несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей – вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь, однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо, хотя в армии увод силою жителей дело обычное, тем не менее он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому, чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но в свою очередь захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе и привел ее к царю, как к любителю женщин в надежде стяжать этим подарком его милость и быть

произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда и через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем сначала она была у него в пренебрежении и лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер, тем не менее Екатерина продолжала пользоваться большим уважением и быть в чести у царя. Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру. Первоначально она принадлежала к лютеранскому исповеданию, но, будучи почти ребенком и потому мало знакомая с христианской верою и со своим исповеданием, она переменяла веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери, обе они и теперь живы. . . Настоящего ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, продолжая состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии. Этот рассказ о Екатерине передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями ее истории».

Другие рассказчики отрицают, что Екатерина была обвенчана, или называют в качестве ее мужа других людей, говорят, что ее захватили при штурме Мариенбурга, а не Дерпта, спорят, была ли она по национальности шведкой, литовкой или белорусской, но бесспорно одно: Петр искренне и глубоко привязался к Марте, а она верно служила интересам Меншикова. Вместе с «Данилычем» они составляли очень эффективный тандем и до поры до времени сохраняли статус ближайших и самых доверенных друзей Петра.

* * *

После взятия Нарвы Меншиков вел военные действия в Литве, сначала он начальник кавалерии при фельдмаршале Огильви, а затем, с 1706 года, стал главнокомандующим. В том же 1706 году вместе с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II он одержал победу над шведскими войсками близ польского города Калиш.

Это победа не только над врагами, но и над союзниками. Дело в том, что союзник этот оказался крайне ненадежным. В 1705 году Швеция и Польша заключили мирный договор, согласно которому большая часть польской торговли должна была проходить через шведскую Ригу, а русская транзитная торговля – запрещена. После того как шведская армия

вторглась в Саксонию, Август вступил во шведами в тайные переговоры и заключил тайный Альтраншtedтский мир (названный так по поместью Альтштат под Лейпцигом, где подписали этот секретный документ). В нем Август отказывался от польского трона в пользу ставленника Швеции Станислава Лещинского. Нужно было любой ценой попытаться удержать поляков в союзе с Россией.

Когда русская и саксонско-польская армии двинулись к Калишу, Август оказался в трудном положении. Он предупредил шведского генерала о нападении и просил его удалиться, но тот не поверил, решив, что это военная хитрость.

Позже Меншиков подробно описал ход битвы в письме британскому посланнику Ч. Витворту: «29 октября нового стиля мы на голову разбили неприятеля под Калишем. Шведскими войсками командовал генерал от инфантерии Мардерфельд; под его началом были 8 шведских полков, 4 пехотных и 4 кавалерийских, то есть около 8000 человек шведов, и 24 000 поляков, вверенных палатину киевскому. Из них большая часть убита или ранена. У меня было только 8000 драгун; в деле участвовал еще король польский с 4000 саксонцами; поляки же, бывшие при его величестве, во время самой битвы оставались в бездействии вместе с нашими калмыками и казаками, но оказали большую помощь в преследовании разбитого неприятеля. Атака началась в 4 часа пополудни, в 6 всё уже было кончено; и не наступи ночь так рано, не удалось бы уйти ни одному человеку, как умел уй-

ти генерал-лейтенант Крассау с двумя эскадронами. Я захватил в плен главнокомандующего – генерала Мардерфельда, 6 полковников, 2 подполковников, 10 кавалерийских поручиков; далее из пехотных войск: 3 подполковников, 2 майоров, 7 капитанов, 30 поручиков, 17 прапорщиков, 4 адъютантов, кроме того, 294 унтер-офицера и 2000 рядовых, частью кавалеристов, частью пехотинцев. В плену у короля польского в Калише находится 17 кавалерийских и пехотных капитанов, 16 поручиков, 15 корнетов и 6 прапорщиков, а также несколько штаб-офицеров и 800 рядовых, палатин киевский, недавно возведенный новоизбранным королём в коронные гетманы, палатин трокский и многие другие знатные поляки, большинство которых сдалось в день калишской битвы. Мы также отняли у неприятеля всю артиллерию и обоз. О потерях саксонцев в этом сражении известий у меня нет, потери же русских очень незначительны; убитых 84 человека (в том числе и офицеры и рядовые), раненых 324 человека».

А сразу после битвы Петру в столицу полетело короткое донесение: «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как со обеих сторон регулярно бились... И сею преславною щастливою викториєю вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Петр отвечал на это: «Неописанную привез нам радость о победе неприятельской, какой еще никогда не бывало, – и тут же добавил, – уже сей третий день мы празднуем». Похвалил Меншикова и

Август, все еще изображавший верного союзника. Он писал Петру после сражения у Калиша: «Я был вполне всем доволен, и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство».

Шведская армия в Польше была полностью разгромлена. Правда, добиться лояльности Августа так и не удалось. Отслужив благодарственный молебен в Варшаве, подарив Меншикову Оршу в Литве и Полонное на Волыни и отослав русских на зимние квартиры в Галицию, король освободил шведских пленных и отправился на встречу с королем Карлом XII в Саксонию.

Петр по своему обыкновению достойно наградил человека, исполнившего его волю и проявившего изобретательность такой наградой, которой, вероятно, в тайне желал Меншиков. Первым подарком стала трость, украшенная алмазами, крупными изумрудами и гербом Меншикова, стоившая 3064 рубля 15 алтын 4 деньги. Но этим царские милости не ограничились. Двамя годами ранее Александр Данилович получил диплом на достоинство графа Римской империи; теперь он возведен в сан князя Римской империи, а еще три года спустя, в 1707 году Петр возвел его в достоинство светлейшего князя Ижорского.

В конце декабря 1707 года шведская армия, 44 000 человек, перешла по льду Вислу и отправилась на восток. Карл вел ее на Москву. Петр не рисковал вступить со шведами в открытое противостояние, его армия просто разоряла земли, по которым должны были пройти шведы, портила дороги, разрушала мосты, и истощала силы армии короткими и неожиданными стычками. «Это был грандиозный и жестокий план, предусматривавший спасение страны через ее уничтожение», – пишет шведский историк Петра Энглунд.

Вскоре Меншиков доносит Петру, что рассказали ему пленные: «...рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут, чтоб король во гнев не поставил, ежели когда от него уйдут. Король же их утешал, дабы еще четыре недели потерпели, и тогда им в провианте никакого оскудения не будет, но в Москве все в излишке найдут».

Под Головчиным шведам удалось навязать русским «правильный бой», и они легко выбили противника из укрепления, потеряв в четыре раза меньше солдат, чем русские. Но были и отличия, на этот раз русская армия не побежала, она отступала организованно. Однако Петр, взбешенный новым поражением, жестоко покарал свое войско: командиров разжаловали в рядовых и заставили оплатить потерянные пуш-

ки и боеприпасы, солдат, раненных в спину, повесили.

Петр добился своего – видя, как с каждым днем падает боеспособность армии, Карл не решился идти на Москву, а двинулся на Украину, где надеялся пополнить запасы.

Меншиков участвовал в сражении близ деревни Лестной, когда русские войска разгромили шедший с обозом корпус Левенгаупта, который спешил из Лифляндии на помощь основной армии. Александр Данилович возглавлял специальный корволант (от французского «*Korps Volant*» – летучий корпус) включавший в себя 7000 всадников и 5000 пехотинцев, посаженных на коней. Сражение продолжалось целый день, ночью остаткам корпуса Левенгаупа (примерно половине его) удалось ускользнуть, но весь обоз достался русским.

Шведы стремились к Батурину, где их ждал с продовольствием и амуницией гетман Мазепа. Но Меншикову удалось их опередить. Он штурмом взял город, разорил его и устроил резню в назидание другим. После этой акции устрашения Украина уже не осмелилась выступить против Петра единым фронтом. За это Петр I пожаловал князю принадлежавшее гетману Мазепе село Ивановское с деревнями.

В мае 1709 года Меншиков со своим отрядом спешит на помощь Полтаве, осаждаемой шведскими войсками еще с апреля. Крепость выдержала около двадцати попыток штурма, пока под Полтаву не прибыл с главной армией Борис Петрович Шереметев.

Всем становится ясно, что грядет генеральное сражение, в котором «выживет только один»: или русской или шведской армии суждено было навеки остаться под Полтавой. Карл назначил решающую битву на 27 июня (8 июля) 1709 года. Он планировал пройти передовые укрепления русских на рассвете, под прикрытием тумана, и, соединившись за редутами, ударить противнику в тыл. Но не всем отрядам удалось миновать редуты незаметно. Завязавшаяся стычка привлекла внимание Петра, и он послал Меншикова с пятью батальонами и пятью драгунскими полками ударить по правому крылу шведов. В результате Меншиков взял в плен генерала Шлипербаха и затем ударив по корпусу генерала Розана рассеял его. За время битвы под Меншиковым было убито три лошади. После битвы он преследовал Карла и смог взять в плен корпус Левенгаупта, прикрывавший отступление короля, при том, что корпус этот численно превосходил отряд Меншикова. Наградой герою был чин фельдмаршала – Меншиков второй человек в России, получивший его. Кроме того, теперь ему принадлежали два города на Украине, и он стал вторым после самого Петра землевладельцем в России.

После победы под Полтавой Меншиков вернулся в Польшу, воевал в Курляндии, Померании и Голштинии, вытесняя шведов с их последних укреплений на континенте. Получив от европейских монархов орден Слона (Дания) и орден Черного орла (Пруссия), пытался обеспечить себе и более значительное вознаграждение: в 1711 году предлагал вновь поса-

женному на польский трон Августу взятку в 200 000 рублей, если тот поможет ему занять Курляндский трон. Но из этой затеи ничего не вышло. В феврале 1714 года Меншиков возвращается в Санкт-Петербург. Война окончена, теперь Петру снова требуется опытный администратор, который будет контролировать становление промышленности в новой столице. Прежде всего нужны работающие верфи и военные заводы, но и обеспечение быта горожан, придание столице имперского блеска – это тоже важные задачи.

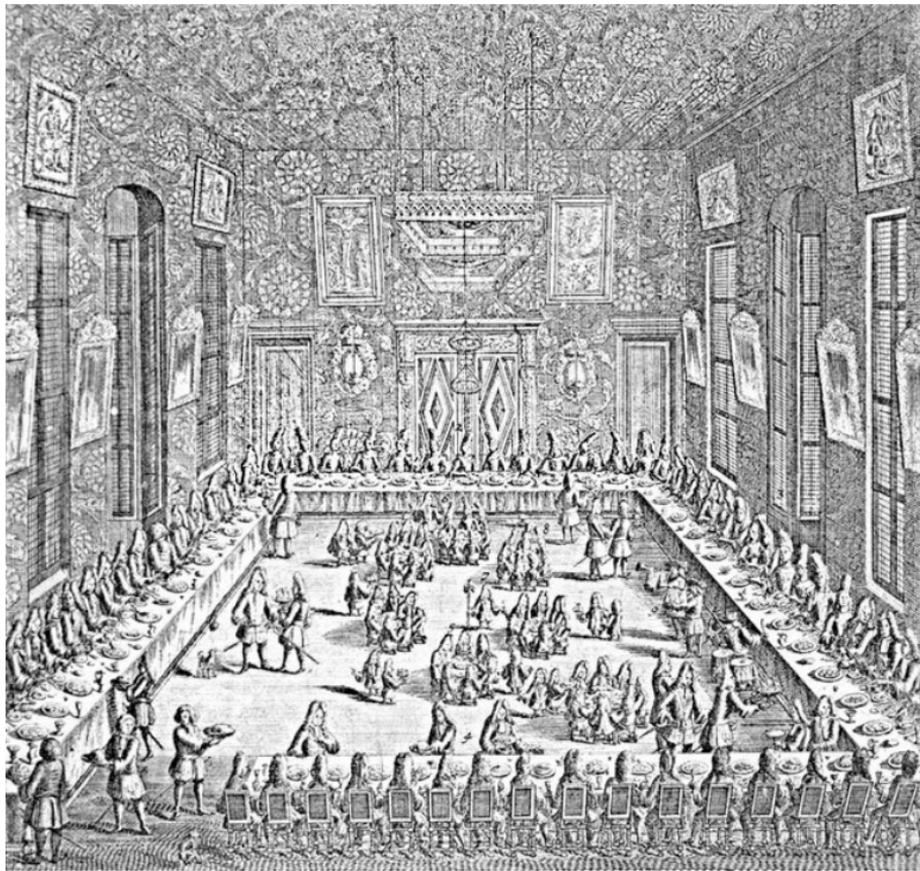
Пока Меншиков воевал на Украине, в Петербурге строился его дворец. Точнее сразу два: каменная резиденция губернатора и рядом деревянный Посольский дворец, который предназначался для проведения торжественных церемоний. Если дворцы Петра, что летний, что зимний, весьма скромные здания, предназначенные для жизни одной семьи, то дворцы Меншикова – это именно официальные здания, «лицо» города, украшенные со всей возможной пышностью.

Оба дома, как и Летний дворец Петра, окружала обширная усадьба: регулярный сад, украшенный фигурными клумбами, мраморная скульптура, декоративные пруды, лабиринт и другие садовые затеи, позади дворцов разбили фруктовый сад и огород, устройством сада занимался голландский садовник Ян Эйк.

К дворцу от Невы вел короткий канал с бассейном, чтобы гостям было удобнее высаживаться из шлюпок и яликов.

Именно в Посольском дворце 31 октября 1710 года праздновали свадьбу «государевой племянницы» Анны Иоановны и герцога Курляндского. Увеселения по этому поводу продолжались более трех месяцев. Одним из аттракционов для развлечения гостей стала еще одна свадьба, на этот раз шуточная. Жених и невеста были карликами и за большой стол в качестве гостей тоже посадили карликов. А настоящие го-

сти сидели за большими столами по краям залы и веселились глядя на это гротескное зрелище. Карлики в начале XVIII века были при дворах многих европейских вельмож, насмешки над ними не считались жестокостью, и часто для самих карликов подвизаться в роли шутов – единственный способ найти себе кров и пропитание. Сохранилась гравюра Алексея Зубова, запечатлевшая этот праздник.

Свадьба карлика Я. Волкова 14 ноября 1710 г. во дворце князя А.Д. Меншикова. Гравюра А. Зубова

Большое торжество отмечали в Посольском дворце 1 января 1712 года. Петр как раз вернулся в свою новую столицу из Ревеля и Меншиков устроил ему торжественную встречу. На льду Невы прямо перед Посольским дворцом возвели:

«...арк триумфальный с тремя догами и витыми столпами, который украшали ветви масличные», на фронтоне арки фигура всадника в лавровом венце с лавровой ветвью, символ «Его Императорского Величества высокой персоны». В боковых арках были изображены аллегорические картины: северная звезда – символ России, грозная туча – символ Швеции. Все изображения были подожжены, и когда они сгорели, на их месте зрители увидели крепость, с надписью «Бог укрепляет камень сей и значит сия крепость, Санкт-Петербург» – парафраз библейских слов, которые Христос сказал апостолу Петру: «Ты есть камень, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (от Матфея 16:18). Праздник завершился фейерверком. Царь и губернатор с семьей любовались «огненной потехой» с балкона каменных плат Меншикова.

Подобные «огненные действия» не просто развлечение, но и «наглядная агитация». Предназначенные для жителей новой столицы, они должны были укрепить их уверенность в могуществе Петра и в божественной поддержке его замыслов. Петр, увлекавшийся фейерверками с детства, прекрасно понимал их «пропагандистский заряд». Понимал его и Меншиков.

Еще один праздник состоялся перед Посольским дворцом 27 июня 1717 года и был посвящен Гангутской битве, когда в плен взяли 18-пушечный фрегат «Элефант» и еще девять мелких судов. На этот раз Меншиков принимал победителя

уже в новом каменном дворце. Аллею, ведущую к пристани ко дворцу, украшали триумфальные ворота, скульптурные композиции и картины, изображавшие различные эпизоды сражения.

Дворец Меншикова также поражал своей роскошью: золото, серебро, мрамор, дорогие сорта дерева, античные и итальянские скульптуры, венецианские зеркала, хрустальные люстры, гобелены и шелковые китайские обои. Часть этих интерьеров сохранилась до наших дней и любой может убедиться, что Меншиков умел жить с размахом.

Дворец А.Д. Меншикова. Современное фото

Вестибюль дворца или Большие сени украшали античные статуи, Большую палату – место для торжественных приемов – французские шпалеры XVII века, Морской кабинет, отделан изразцами, Китайский кабинет – затянут китайским шелком. Во дворце хранились богатейшие собрания живописи, скульптуры, дорогих безделушек. Позже, уже после ареста Меншикова в описи его имущества, составленной петербургскими чиновниками, будут значиться усыпанные драгоценными камнями шпаги, трости, пряжки, запонки, орденские кресты и звезды, осыпанные бриллиантами и жемчугом, золотые орденские цепи, портреты в золотых рамках, отделанных алмазами, «персоны» Петра в золотых рамках, золотые табакерки, украшенные алмазами, бриллиантовые пуговицы, пояса с бриллиантовыми искрами и головные уборы – изумрудные перья с алмазами, какие в то время носили на шляпах, куски литого золота, желтые алмазы, красные лалы, изумруды, белые и лазоревые яхонты, нитки жемчуга, а кроме того «15 булавок, на каждой по одному бриллианту», или «2 коробки золота литого», «2 больших алмаза в серебре», «95 камней лаловых больших и средних и самых малых».

Был у Меншикова дом и в Кронштадте, на берегу докканала.

Тщеславие и любовь к роскоши светлейшего князя уже ни для кого не были секретом. Многие знали, что он не чист на руку. Но пока Меншиков искусно использовал свои слабости

для общего дела, Петр смотрел на его грешки сквозь пальцы.

Принимал Петра Меншиков и в своем загородном имении в Ораниенбауме, откуда лежал кратчайший путь морем в Кронштадт. Меншиков, получивший эту «дачу» – термин петровских времен, происходящий от глагола «давать» и обозначающий пожалованные земли, – знал, что Петр будет частым его гостем и постарался обустроить имение так, чтобы оно пришлось по вкусу царю. От моря ко дворцу вел канал, заканчивающийся большим «гаванцем». Далее простирался регулярный сад с цветниками и фонтанами и мраморной скульптурой, который заканчивался у Большого дворца, стоявшего на высокой земляной террасе. Был здесь и плодовый сад, где росли яблони, вишни и смородина.

Благодаря сохранившейся «Описи большого Ораниенбаумского дворца» мы можем в деталях представить обстановку, которая была здесь в начале XVIII века.

Прежде всего в описи упоминаются иконы, находившиеся в каждой комнате кроме проходных. Стены комнат украшены искусственным мрамором, деревянными панелями или шпалерами («по коже наложено золотом и серебром и разными цветами»), два последних вида отделки служат одновременно и для утепления помещений. Иногда упоминаются «цветники» между окон – т. е. изображения ваз с цветами. Полы «столярной работы» или выложены черными и белыми плитками мрамора. Отапливаются комнаты так называемыми каминами-печами – оригинальным изобретением

русских мастеров, которое сочетало в себе живой огонь, горевший в камине с эффективностью печи. Собственно это настоящие русские печи, топка у которых была устроена как камин. Отделывали их «плитками галанскими». Получался странный гибрид, который тем не менее был, вероятно, удобен в быту. В качестве освещения названы «два подсвешника зеркальных, заморских в рамах медных посеребрянных, старых» и «два подсвешника стенных медные посеребряны, на одном две картины живописные за стеклам в рамах резных золоченых французской работы». Из мебели перечислены многочисленные стулья и кресла, сидения которых «переплетены камышом» или обиты бархатом, дубовые и ореховые шкафы с фарфоровой и стеклянной посудой, кабинетцы (маленькие шкафчики для бумаг комбинированные с письменным столом), столы сосновые и столики круглые «китайской работы».

В спальне стояла «кровать аглицкая дубовая столярной работы, на кровати одеяло объяринное⁴

⁴ Из объяри – волнистой ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.